

Цена достоинства. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bykovvasil.ru/> приятного чтения!

Цена достоинства. Василий Владимирович Быков

Из книги воспоминаний. С белорусского. Перевод автора
У меня был неплохой, купленный за чеки в "Березке" японский приемник с короткими волнами, который я каждую ночь настраивал на зарубежные голоса. Из всех, однако, я отдавал предпочтение "Свободе". Хорошо расслышать ее, правда, удавалось редко – глушили всегда и плотно. Некоторые советовали искать подходящее место в квартире – на кухне или возле батарей отопления или попытаться настроить за городом. Я пытался в разных местах, но чаще всего ничего не получалось, слышимость была скверная. Передатчики находились за тысячи километров, а глушилки – вон они, рядом, на окраине города. Неудачными оказались все мои попытки и в ту ночь, когда больше всего хотелось узнать, что происходит в Чехословакии, кризис отношений с которой, кажется, достиг своего пика. Утром, как всегда, направился в редакцию областной газеты и на пешеходном мосту через железную дорогу встретил доцента мединститута Бориса Клейна. Борис выглядел крайне озабоченным, почти подавленным и, поздоровавшись, вполголоса бросил: "Ну, слышал? Они все-таки ввели. Танки в Праге".

Эта новость не сказать что неожиданная, тем не менее ошеломила. Сразу стала понятной причина беспокойно-суматошной ночи. Почти до утра по городским улицам шли куда-то колонны большегрузных машин, слышались командные голоса, стучали двери подъездов, и по лестницам бегали люди. Оказывается, шла мобилизация – как на войну. В помощь передовым частям, входившим в Чехословакию, на Гродненщине развертывалась резервная армия. Брали запасников, мобилизовывали транспорт, на окраинах, в военных городках формировались команды. Как потом оказалось, телефоны городской сети в ту ночь были отключены. Мы с Клейном отправились к Карпюку.

Еще на подходе к дому Ожешко[1], где размещалось областное отделение Союза писателей и где обычно работал Карпюк, услышали, как на всю улицу звучала почему-то незаглушенная передача Би-Би-Си о том, что советские войска оккупируют Прагу. На улице было немало прохожих, некоторые останавливались и слушали, большинство же испуганно бежало дальше. Мы дернули незапертую дверь и в кабинете на диване увидели спящего Карпюка. Он был в полной военной форме, в сапогах, рядом на столе лежали его портупея и кирзовая полевая сумка. Карпюк быстро вскочил, протер глаза, мы выключили продолжавший орать транзистор. "Вот, черт, – проспал!" – пробурчал мобилизованный вояка. Оказалось, что всю ночь он провел в фолюше на формировке, утром приехал сюда и уснул. Скоро ожидалось отправление в освободительный поход, в Чехословакию. "И ты пойдешь?" – спросил Клейн. "Обязательно. Уж там я напишу!" – был его выразительный ответ.

Карпюк скоро уехал на сборный пункт, и что с ним приключилось далее стало известно через несколько дней.

Огромную мехколонну с мобилизованными вытянули вдоль шоссе по направлению к польской границе. Приехало начальство из округа, начало проверять. Генералы и полковники группами ходили от машины к машине, все осматривали, обсуждали, подсчитывали. Карпюк терпеливо сидел в кузове МАЗа. И вдруг напротив остановился начальник политотдела округа генерал Дебалюк. "А этот зачем? – кивнул он в сторону Карпюка. Некий полковник принялся что-то объяснять, но генерал не дослушал: "Снять! Он не поедет". Пришлось Алексею слезать с высокого кузова, на попутных машинах добираться до города. Колонна пошла без Карпюка. Карпюк, несомненно, был человеком честным, хотел быть честным коммунистом. Но, как и многие, вряд ли представлял, насколько это возможно и что такое вообще – честный советский человек? Он не терпел лжи и фальши, стремился к справедливости – как в литературе, так и в жизни тоже. Сдав в фолюше свою амуницию, по давней фронтовой привычке прошелся вдоль проволочной ограды посмотреть, не осталось ли чего забытым, и обнаружил в траве три оставленных карабина. Зная с войны ценность оружия, взвалил карабины на плечо и понес к каптерке. Но каптерка оказалась запертой – все ушли на фронт. Чтобы не оставлять оружие без присмотра, пришлось везти его в город, в штаб армии. Но там от карабинов отказались – не нашей части. Ввиду наступившей ночи Алексей вынужден был забрать карабины домой.

Поздно ночью позвонил мне: "Вот, черт, что делать?" Я говорю: "Там за твоим домом протекает Воючка (ручей с нечистотами), бухни туда твои карабины – и конец делу". Карпюк меня обругал: "Будто ты в армии не служил, не знаешь, что

Цена достоинства. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
такое оружие". – "Я-то знаю, – говорю, – что такое оружие. Этим оружием загавнян весь белый свет, твоих трех винтовок там не хватает..." Не поняли тогда мы друг друга, чуть не поругались. Назавтра Карпюк начал новое хождение со злополучными карабинами, пока милиция не потребовала у него письменного объяснения: где, с какой целью взял и т. д. Едва отделался от неприятностей, которые сам себе и создал.

Как-то сидя в доме Ожешко, он прочитал в "Новом мире" воспоминания генерала Горбатова, его поразил не столько рассказ генерала о нелегкой военной карьере и фронтовых подвигах, сколько скупое сообщение, что он не пьет. И не пил никогда. Удивленный такой неординарной новостью, Карпюк сунул журнал в карман и, не заходя домой, сел в московский поезд; назавтра утром уже был в Москве. После долгих переговоров с дежурными Генерального штаба раздобыл адрес генерала Горбатова, жившего возле Никитских ворот, и час спустя позвонил в дверь его квартиры. Уже предупрежденный из Генштаба, генерал впустил приезжего, Карпюк вежливо представился: белорусский писатель, ветеран войны. Усадив гостя за маленький столик, хозяин вынул из шкафа граненый графинчик. Карпюк сурово напомнил, что в журнале генерал написал, что не пьет. Оказалось, что в самом деле не пьет, а графинчик для гостя. После этих слов гость вскочил, радостно пожал генеральскую руку, сообщил, что также не пьет. И тут же изложил проект, с которым приехал в Москву. "Во всех странах мира имеются общества трезвенников, а у нас нет. А между тем вред от повсеместного пьянства... и т. д. Поэтому необходимо обратиться к общественности с письмом, подписанным авторитетными людьми, как вы, я, и создать общество. Текст письма уже готов. Вот, можете прочитать".

Несколько ошеломленный, генерал прочитал текст и тяжело вздохнул. "Дело хорошее, – сказал он. – Но кто подпишет? Среди моих знакомых генералов-трезвенников не имеется. Может, среди писателей?"

Карпюк задумался. Конечно, он понимал, что двух подписей для столь ответственного обращения недостаточно, придется искать третью. Но найти трезвенника среди писателей тоже было проблемой. И вдруг он вспомнил Алеся Адамовича, обитавшего в то время на каких-то курсах в Москве. Распростился с генералом и побежал по Москве искать Адамовича.

Он искал его весь день до вечера, объехал все литературные редакции, обзвонил знакомых. И наконец выяснил, что Адамович сегодня уезжает в Минск. Карпюк купил билет на вечерний поезд и, как только тот отошел от Белорусского вокзала, принялся за обход вагонов. Он их обошел все, заглядывая в каждое купе, и возле Смоленска, наконец обнаружил спящего Адамовича. Тот выслушал его предложение и заявил:

"Я готов вступить в ваше общество. Но только с условием развалить его изнутри". И перевернулся на другой бок продолжать прерванный сон. Карпюк обругал Алеся и вышел из вагона. Утром приехал к Горбатову и сокрушенно поведал, что третьего трезвого человека в России найти не удалось. Так благородное общество и не было создано. Ни тогда и никогда больше.

Между тем на просторах нашей великой Родины во всю ширилась идеологическая борьба с недавно обнаруженной напастью – "идеологическими диверсантами" и их хитроумными происками. Как водится, прежде всего в искусстве и литературе. Гродненщина, как и Белоруссия в целом, разумеется, не могла оказаться на обочине этого важного дела. Партийные органы проводили многочасовые бдения по поводу "искривления линии партии на местах", разоблачали происки зарубежных разведок в неустойчивой среде местных литераторов. Какие бы мероприятия ни осуществлялись в Гродно, какие бы вопросы ни обсуждались, в итоге с роковой неизбежностью все сводилось к разоблачению вредных произведений Быкова и Карпюка. Будучи беспартийным, я по возможности избегал проработочные мероприятия, коммунист Карпюк избежать их не мог. И даже иногда пытался выступать, оправдываться, что вызывало гнев и ярость местных партийных бонз, привычно требовавших "признать и покаяться". Карпюк упрямо не хотел ни признавать, ни каяться. А подчас пытался обвинять.

В центральных газетах появилась директивная статья начальника ГлавПУРа Советской Армии генерала Епишева, где тот кроме русских писателей (Евтушенко, Вознесенского, Аксенова) подвергал политической критике и белоруса Быкова. Местные парторганы тут же подхватили зубодробительные пассажи главного

Цена достоинства. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru армейского политрука и организовали широкое их обсуждение. На одно из них пригласили Карпюка, я был где-то в отъезде. И вот после выступления многих функционеров и активистов партии, исполненных глубокой признательности генералу армии за его партийно-научно-военный анализ порочных произведений этих "писателей", слово было предоставлено Карпюку. Поднявшись на трибуну, тот произнес всего одну фразу: "Если Епишев генерал, то пусть командует своим войском и не лезет в литературу". Зал ответил возмущенным ропотом. Некоторые прямо угрожали, и я вскоре понял, что эти угрозы далеко не напрасны. Логика напряженных отношений требовала перехода к делу.

В ритуально восторженной атмосфере всеобщего поклонения наступил 100-летний юбилей великого основателя советского государства. По городам и весям покатились волна собраний, пленумов, Ленинских симпозиумов. Союз писателей по этому поводу устроил торжественный пленум, на который из Гродно приехали и мы с Карпюком. Я посидел недолго и пошел с беспартийными друзьями в кафе. Карпюк же записался в число выступающих. Недавно прошел ленинский субботник, репортажи с которого печатались во всех газетах, и Карпюк именно субботнику посвятил свое выступление. В конце он сказал:

"Мы знаем, что в субботнике участвовал Владимир Ильич, видели на снимках, с кем он таскал бревна. Но с кем таскал бревна Леонид Ильич, "Правда" нам не показала. Или, может, Брежнев не участвовал в Ленинском субботнике, так пусть напишут". Сидевший в президиуме заведующий отделом белорусского ЦК С.Марцелев недобро нахмурился и, выступая в конце с подведением итогов, сказал: "Что касается выступления Карпюка, то этот человек начинает ходить по головам". Кто-то из "доброжелателей" Карпюка в зале радостно взвизгнул: "Ну, Алёша спекся!.."

Спустя недолгое время тот же Марцелев и его помощник Гнилomedов приехали в Гродно с высокой миссией навести порядок в местном отделении Союза писателей. После основательной проработки вопроса в стенах обкома начали по одному вызывать писателей. Первой вызвали Дануту Бичель, которая нескоро вышла оттуда с заплаканными глазами и не стала объяснять, чего от нее добивались. Следующим был я. Разговор оказался стандартным доискивались идейных причин конфликта с местными властями. Стоило мне упомянуть о наглых происках КГБ, как проверяющие насторожились: "А вы об этом всем рассказали?" - "Не всем, говорю, но некоторым рассказал. В частности, корреспондентам из Москвы и Варшавы. (По всей видимости, напрасно я так сказал. Вскоре корреспондента одной московской газеты, приехавшего ко мне за интервью, обвинили в пропаже щетки из гостиничного номера и не разрешали уехать обратно. А варшавскому корреспонденту на Гродненской таможне устроили шмон по полной программе. Пропустив свой поезд, поляк уехал лишь сутки спустя.)

Карпюка допрашивали о причинах его неприязненных отношений с обкомом, на что Алексей сказал: "Как они к нам, так и мы к ним. Юбилейной Ленинской медалью наградили Ульяновича (секретарь обкома по идеологии) - за искусственное осеменение коров, а нам с Быковым за войну - фигу под нос. Это правильно?" Проверяющие лишь многозначительно переглядывались.

Цексовцы вскоре уехали, но мы понимали, что одной проверкой дело не обойдется. В лучшем случае следовало ждать оргвыводов. Прежде всего в отношении Карпюка.

Моя жизнь в Гродно сложилась так, что друзей-товарищей я там приобрел немного. Интеллигенция в этом областном городе держалась изолированно, ни во что недозволенное не вступая, опасаясь потерять партбилет - "хлебную карточку", как некоторые цинично называли этот документ. Незадолго перед тем в пединституте арестовали старого профессора Ржевского, конечно же, за национализм, хотя он на людях даже не разговаривал по-белорусски. Но у него нашли какие-то белорусские книжки издания двадцатых годов. Журналисты областной газеты, где я продолжал работать, относились ко мне подчеркнуто сдержанно, если не сказать с опаской. Иногда я встречался с Борисом Клейном, когда тот не был занят в институте. Клейн обладал довольно развитым аналитическим умом, приправленным изрядной дозой врожденного скепсиса, что мне в общем нравилось. В отличие от многих преподавателей-доцентов, он знал современную художественную литературу, читал московские журналы и вполне дружелюбно относился к Карпюку. Хотя нередко высмеивал друга за его причудливые эскапады, особенно против начальства.

Однажды вечером Клейн пришел ко мне, мы посидели немного, и я пошел провожать Бориса домой. Самую важную часть разговора, конечно, припасали под конец, на

Цена достоинства. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
улице. Клейн жил недалеко, в старой части города, возле тюрьмы. Прошли по улице в один ее конец, потом в другой. Разговор вели о Карпюке – как бы его сдержать, чтобы перестал лезть на рожон, сожрут же! Тем временем стемнело, людей на улице было немного. Возле самого подъезда дома, в котором жили Клейны, вдруг из темноты появились трое, заступили дорогу. Занятые разговором, мы даже не успели понять их намерений, как тут же получили удары в лицо – и я, и Борис. У того сразу свалились очки, я недоуменно крикнул: "В чем дело?" – и снова получил удар. Мы закричали. Один из нападавших торопливо перебежал на другую сторону узкой улицы, где стоял третий из их группы. Оставшийся вдруг приблизился к нам почти вплотную, но вместо того, чтобы ударить, тихо сказал: "Простите, ребята!" И не спеша пошел к остальным.

Я помог Борису отыскать в темноте его разбитые очки, мы молча постояли немного у подъезда, наблюдая, как те трое не спеша, направились в сторону тюрьмы. Что делать дальше? Недалеко было управление милиции, напротив КГБ. Но мы туда не пошли.

Мы вообще никуда не пошли – ни в тот вечер, ни завтра. Мы уже поняли, чьих рук это дело и что жаловаться – бесполезно. Опять же, не так уж они нас избили – синяков вроде не осталось. Стекла в очках Бориса скоро заменили, а я вообще вышел без потерь. Оставалось разве что благодарить Бога и ждать новых злоключений.

Назавтра я позвонил в Минск Николаю Матуковскому, корреспонденту "Известий", поведал, что с нами случилось. Николай Егорович повздыхал в трубку и сказал, что мне надо перебраться в Минск. "В Гродно тебя съедят заживо. Или убьют, что не лучше". Однако в Минске, куда я съездил несколько дней спустя, было тоже нелегко. Валя Тарас с Наумом Кисликом рассказали, что в Академии громят "группу националиста" Прашковича; за политику исключили из партии и выгнали с работы журналиста Виноградова, мужа писательницы Вакуловской. На очереди еще некоторые. Минск – не убежище.

В Гродно над нами что-то сгушалось, наливалось зловещим ожиданием. Мы не знали наверняка, но чувствовали: недоброе.

Однажды в редакции объявили: после обеда – закрытое партийное собрание. Закрытые партсобрания случались в общем нечасто. Обычно проводили открытые, на которые я, конечно же, не ходил. Карпюк вынужден был ходить, так как состоял на партучете в редакции. Пришел и сейчас, заглянул в отдел совработы, где я сидел. Лицо его было мрачным, и он сразу сказал: "Будут исключать". – "Кого?" – "Меня". Вот это новость: – "За что? Почему? Что случилось?"

Но что случилось, скоро стало известно.

Из горкома пришел представитель, объявил целый список прегрешений члена КПСС Алексея Карпюка и вынес на обсуждение предложение горкома исключить. Карпюка в редакции знали лет пятнадцать, некоторые вместе начинали работать с ним, и мало кто с пониманием отнесся к предложению горкома. Правда, знали и его строптивый характер, но уважали как героя войны – известного на Гродненщине партизанского командира. При голосовании только три или четыре коммуниста (преимущественно военные отставники) проголосовали за исключение, остальные склонялись к выговору. Представитель горкома свое задание не выполнил и ушел неудовлетворенным. Следовало ждать продолжения.

Продолжение не замедлило – спустя неделю Карпюка вызвали на бюро горкома и исключили единогласно.

Но Карпюк был не из тех, кто привык безвольно покоряться судьбе. Всю жизнь этот человек боролся с несправедливостью в жизни и других людей, и в своей собственной, где их тоже хватало. Все это, разумеется, требовало немалых душевных усилий и далеко не всегда удавалось.

В послевоенном Союзе писателей он долгое время пребывал в ранге молодого автора, но уже тогда обратил на себя внимание главным образом уникальностью собственного военного опыта, нашедшего достойное отражение в его книгах. Среди немалого числа профессиональных писателей, недавних военных политработников и журналистов, он, похоже, оказался единственным, кто сполна прошел все возможные круги военных испытаний: подпольную и партизанскую борьбу на оккупированной территории,

Цена достоинства. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru фашистский концлагерь, кровавые фронтовые будни. Два тяжелых ранения – под Варшавой и в Берлине за несколько дней до окончания войны – не могли не отразиться на его здоровье. Особенно второе, когда осколок немецкой мины, разбив автоматный приклад за плечом, застрял в легком вместе с вырванным из телогрейки клоком ваты. Почти год раненый балансировал между жизнью и смертью в гнойном отделении подмосковного госпиталя и тогда дал себе клятву: если выживет, не возьмет в рот ни капли спиртного. Так повелели врачи. И эту клятву он в общем сдержал до конца своих дней.

Опыт военного лихолетья естественным образом вошел в его прозу, стал сюжетной основой широко известных карпюковских повестей и романов. Карпюк по долгу гражданина и коммуниста, как он его понимал, старался принимать деятельное участие в общественно-политической жизни области и республики. Не было ни одного сколько-нибудь представительного писательского форума в Белоруссии, где бы не выступал Карпюк. В те затхлые, застойные времена он не стеснялся сказать правду, которой внимали. Внимали, однако, не только единомышленники.

Имея многолетний опыт проживания в белорусской провинции, хочу напомнить о некоторых особенностях жизни тамошних писателей. Немногочисленность областных писательских организаций, жизнь у всех на виду, постоянная поднадзорность со стороны начальствующих и "курирующих" органов, неумемное стремление последних держать в узде интеллигенцию, категорическое неприятие всякого несогласия с "главной линией" партии понуждали творческих людей либо к конформизму, либо к постоянной конфронтации с властями. Это в зависимости от характера и масштаба таланта. Так уж повелось, что благоденствуют люди скромных дарований, в то время как обладатели сколько-нибудь заметного таланта обречены на усиленное к себе внимание властей (прежде всего КГБ) и либо стараются уехать в столицу, либо спиваются. Немногие, подобно Карпюку, обрекают себя на бессрочное "испытание провинцией", на изматывающее противостояние с местными партийными бонзами. Действительно, как писал А. Камю, с тоталитаризмом можно или сотрудничать, или бороться. Третьего не дано.

Справедливости ради замечу, что, возможно, не все в выступлениях Карпюка было доказательно и бесспорно, кое-что, пожалуй, основывалось только на эмоциях и личных предположениях. Но, по обыкновению, все у него шло от чистого сердца, от стремления к справедливости – для себя и других. И произошло то, что в прежние годы не являлось исключением, а шаблонно применялось ко всем не только инакопоступающим, но и инакомыслящим. Однако применить репрессии против строптивца лишь на основании его одиозных выступлений, видимо, было сочтено недостаточным. Следовало наработать "компромат".

И вот Гродненское управление госбезопасности выделяет опытного, бериевской школы, чекиста Ф. с задачей заняться личностью беспокойного писателя. Ф., как и надлежало, работал ударными темпами, в короткий срок накопил "компромат", сварганил уголовное дело, каждый пункт которого, по признанию тогдашнего прокурора Гродно, тянул минимум на 15 лет заключения в ИТЛ усиленного режима. Оказалось, будто Карпюк на протяжении длительного времени обманывал партию, контрольные органы и вовсе не бежал из немецкого концлагеря, как писал в своей биографии. Специально опрошенные свидетели, просидевшие там до момента освобождения Советской Армией, показали, что бежать из этого лагеря было невозможно (они же не бежали). На основании их показаний было сделано заключение, что Карпюка отпустили. Но с какой целью? А вот с какой: для разложения партизанского движения на Гродненщине. Подтверждением этой версии явился следующий пункт обвинения: "дезертирство Карпюка из партизанской бригады". При каких обстоятельствах произошло это "дезертирство", следствие умалчивало.

Если это можно назвать дезертирством, то выглядело оно следующим образом. После побега из концлагеря Штутгоф, расположенного в низовьях Вислы, и долгого блуждания по территории Польши Карпюк поздним осенним вечером добрался наконец до родного хутора возле железной дороги под Белостоком. Но случилось так, что, прежде чем увидеть мать (отец с братом в это время также находились в концлагере), беглец наткнулся на немецких солдат, квартировавших в усадьбе. Как всегда в подобной ситуации, выручили ноги и лес, где полгода назад располагались партизанские группы, с которыми Карпюк сотрудничал. Именно после одной совместной диверсии на железной дороге он, брат и отец были арестованы гестапо и брошены в концлагерь. Но за время его отсутствия в лесу кое-что изменилось, знакомых партизан там не оказалось, на их месте расположилась пришлая

Цена достоинства. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru партизанская бригада, вблизи которой и был задержан Карпюк. На первом же допросе его рассказ о Штутгофе вызвал удивление особистов (грубо работают ваши шефы, - было резюмировано знатоков), и Карпюка засадили под арест в землянку. Каждую ночь его водили на допросы с требованием признаться, какое задание получил от гестапо. Так продолжалось немалое время, и однажды Карпюк понял, что скоро все кончится. И снова бежал.

Наверно, сделать это было полегче, чем выбраться из Штутгофа, и под утро той ночи он оказался в районе действия другой партизанской бригады, которой лихо командовал молодой комбриг, бывший ленинградский инженер Войцеховский. По-видимому, у того были иные представления о бдительности, чем у соседей. Выслушав беглеца, комбриг без лишних слов отрядил его в разведку - под присмотром надежных ребят, которым надлежало испытать новичка боем. Забегая вперед, замечу, что это испытание длилось недолго, Войцеховский понял, с каким парнем имеет дело, и уже через полгода назначил Карпюка командиром вновь созданного отряда Калиновского. Этим отрядом Карпюк и прокомандовал до освобождения Белорусии летом 44-го года. Как командовал - о том свидетельствуют полученные им ордена Боевого Красного Знамени, Отечественной войны, польский орден Виртути милитари и другие награды.

Тут может возникнуть естественный вопрос: насколько достоверны изложенные выше факты, которым, разумеется, не был свидетелем автор? На это отвечу, что автор осведомлен о подробностях карпюковских перипетий не только из его личных рассказов, но также из рассказов и воспоминаний самого комбрига Войцеховского, приезжавшего в Гродно, где мы встречались втроем. Непьющий Карпюк "для компании" с изрядно выпивавшим гостем приглашал также выпивавшего Быкова, который и стал свидетелем долгих бесед двух гродненских партизан.

А тем временем Карпюка исключают как двурушника и дезертира, врага, пробравшегося в сплоченные ряды КПСС. К тому же в годы войны сотрудничавшего с оккупантами.

Журналисты в редакции были шокированы. Молодые потиху возмущались, а те, кто постарше и поопытнее, глубокомысленно помалкивали, - многое из карпюковских перипетий им было хорошо известно еще с 30-х годов. Вскоре дело Карпюка передали в городскую прокуратуру - для получения санкций на привлечение "бывшего члена КПСС" к уголовной ответственности. Прокурор города Волох потом рассказывал, что, получив из КГБ это дело, почувствовал некоторое затруднение и позвонил (вот когда телефонное право - во благо) первому секретарю обкома Микуловичу. Тот, похоже, медлил с ответом (понимал, что за ним последует) и спросил прокурора, все ли пункты обвинения надежно доказаны? На этот раз от прокурора потребовалось кроме верности букве закона и КГБ еще кое-что по части человеческой совести. На вопрос хозяина области он высказал некоторые сомнения, на которые последовало указание вернуть дело на следствие, чтоб уж обвинить наверняка.

Для самого обвиняемого вся история о его вымышленных преступлениях была ясна как божий день. Карпюк все опроверг устно и письменно. Казалось, опровергнуть многое не составляло труда, кроме, пожалуй, ведомости из Штутгофа на получение немецких марок с его, Карпюка, подписью. Происхождение этой подписи обвиняемый не мог объяснить. На ксерокопированной странице ведомости отсутствовал титул, значились только фамилии и сумма в марках с росписями получателей. Делалось допущение, что это оплата тайных услуг заключенных. Ведомость была серьезной уликой против обвиняемого, на ней строилось многое в его злополучном деле. Среди прочего, например, сотрудничество с гестапо начальника штаба отряда, жившего в Польше, внедрение Карпюком в советскую диверсионную группу, десантированную на территорию Чехословакии, агента абвера, клеветническое доношение на соседа Грушевского. Было отчего сойти с ума.

Несчастья обрушились на человека, словно каменный обвал в горах. Первым делом Карпюка отстранили от работы секретаря областного отделения Союза писателей, лишив 80-рублевой зарплаты. Различные редакции Минска и Москвы разом отказали в публикации его произведений, из издательских планов были выброшены все карпюковские заявки. А тут еще пришлось положить в онкологию жену-учительницу, на руках безработного остались двое сыновей-студентов и дочь-школьница. Жить стало не на что, кормить семью нечем. Время от времени он писал заявления в Литфонд об оказании материальной помощи, но оказывали помощь маленькими дозами раз в году. Другой помощи ждать было неоткуда. Руководство Союза писателей БССР заняло выжидательную позицию, явно поставив ее в зависимость от исхода апелляции

Цена достоинства. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Карпюка в партийные органы. В это время мы иногда встречались втроем и старались подбодрить страстотерпца. Борис Клейн воодушевлял его на борьбу: "Пиши, жалуйся, попробуй попасть на прием к Машерову, он ведь тоже партизан, должен понять. Обращайся к своим партизанам, наверно же, кое в ком еще сохранились остатки совести. Дергайся! Потому что под лежащий камень вода не течет... Я на будущей неделе, возможно, буду встречаться с Микуловичем, постараюсь поговорить о тебе..." Так говорил Клейн, еще не подозревая, что уготовано ему самому. Я, хотя и был беспартийным, но тоже имел кое-какие намерения в Минске и предпринимал некоторые шаги в защиту друга.

Карпюк дергался, физической энергии у него хватало, жажды справедливости тоже. Но ощутимого результата пока не было.

Вскоре после исключения он пишет около трех десятков писем товарищам по войне, партизанам своего отряда. И не получает ни одного ответа. Между тем их ответы пополняют его "дело" в горкоме, и можно догадаться о содержании тех ответов, сочиненных под диктовку следственных органов. Партизанский отряд имени Калиновского был признан как не существовавший, его командир, таким образом, оказывался в роли самозванца. Карпюк бросается в Минский партархив, где хранились партизанские и партийные документы времен войны, и не находит ни одной бумажки по своему отряду. Исчез даже отчет, который Карпюк самолично писал после освобождения Белоруссии. Зато его "дело" в эти дни пополняется еще одной бумажкой, подписанной бывшим комбригом и другом Войцеховским. Оказывается, "никакого вклада в борьбу с немецко-фашистскими захватчиками отряд имени Калиновского не внес и вообще он, командир бригады, командиром этого отряда гр. Карпюка не назначал".

Доведенный почти до отчаяния предательством недавних друзей и соратников, Карпюк на последние деньги покупает билет на поезд и едет в Ленинград. К его удивлению, Войцеховский принимает его по-прежнему тепло и на возмущенный вопрос приезжего отвечает обескураживающе просто: "А что я мог сделать, Алеша? Что они потребовали, то я и написал". Результатом этой поездки стала другая бумажка за подписью бывшего комбрига о том, что "товарищ Карпюк А. Н. с такого-то и по такое время являлся командиром отряда имени Калиновского и проявил себя с наилучшей стороны". С этой спасительной характеристикой Карпюк бросается в Гродненский горком, где первый секретарь А. Могильницкий невозмутимо отвечает: "А зачем нам эта бумажка? У нас имеется другая бумага от Войцеховского. Она нас больше устраивает".

Их устраивало лишь то, что было против их жертвы (что работало на дьявольский замысел подавления). Что давало возможность до конца растоптать человека во имя беспрекословного повиновения и бетонного единomyслия. (Во имя партийной дисциплины и чекистского правопорядка.)

Начался многолетний период в жизни писателя, состоявший из непрерывных, изнуряющих попыток прорвать заколдованный круг абсурда. Пока его дело путешествовало по апелляционным инстанциям, карательные органы терпеливо выжидали, плотоядно потирая руки. Утверждение исключения из партии должно было стать сигналом для нового процесса - уголовного. Уж тут для чекистов появлялась возможность отличиться, заработать ордена, звезды, новые квартиры. Как же - известный писатель, герой войны - и агент гестапо, разоблаченный усилиями чекистских органов. Некоторые из доброхотов советовали Карпюку плюнуть на справедливость, все признать и покаяться, умиловив жаждущих его крови. Карпюк, однако, не торопился каяться, продолжал единоборство, хотя возможности его были ограничены. Аргументы, исполненные логики и элементарного смысла, не принимались в расчет. Свидетельские показания в пользу обвиняемого отвергались. В такой ситуации требовалось хотя бы элементарное чувство справедливости и сколько-нибудь беспристрастный подход к этой - от начала до конца сфальсифицированной постыдной истории.

Но где было в то время найти такому подходу? Задавленный страхом, город молчал. Молчали ветераны. Молчали писатели. Ни один из обладавших властью чиновников не пожелал вступить за человека. Таких не было в Белоруссии, не оказалось и в Москве. Зато такой человек отыскался в Польше, за свободу которой когда-то пролил свою кровь Карпюк.

В ту пору было очень непросто съездить за рубеж даже на несколько дней. Требовались всевозможные обоснования - приглашение, командировка Союза

Цена достоинства. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru писателей, объективки и характеристики, справки о состоянии здоровья. К нам ездить было проще, в некоторых случаях поездки иностранцев в Советский Союз даже поощрялись. Особенно если те приезжали с валютой. Не помню, где Карпюк познакомился с белостокским писателем и журналистом Омельяновичем, человеком общительным, дружески настроенным к белорусам. Несколько раз тот приезжал в Гродно – без определенных целей, просто для общения. Как мы вскоре поняли, КГБ был в курсе и вряд ли одобрял наши контакты, но каких-либо препятствий не чинил вплоть до начала истории с Карпюком. Потом препятствия начались. Однажды, как раз накануне приезда Омельяновича в Гродно, анонимный телефонный звонок предупредил, что встречаться с ним не следует. Помню, мы тогда с Карпюком решали: как быть? Чей это мог быть звонок? Что звонок из госбезопасности, не вызывало сомнений, но чьей? Нашей или польской? Так ничего и не решив, встретились с Олеком, пообедали в ресторане "Беларусь", и он уехал. Это происходило еще до злоключений Карпюка.

И вот теперь Карпюк через третье лицо передал Олеку свою просьбу о помощи, которую польский друг исполнил аккуратно и в срок. Он прислал полную копию злополучной ведомости с подписью Карпюка, которую раздобыл в архиве бывшего концлагеря Штутгоф. На титульной странице данного документа четко значилось, что это – ведомость на раздачу заключенным денежных переводов, поступивших от их родственников. Оказывается, в рейхе существовал порядок, согласно которому немцы принимали денежные переводы в адрес заключенных. Хотя, разумеется, вовсе не намеревались их выдавать, но с бухгалтерской пунктуальностью требовали за них расписаться. В числе прочих расписывался и Карпюк, тотчас забыв об этом факте, – его голова в то время была занята планом побега.

Эта пожелтевшая бухгалтерская страница неожиданно замедлила форс-мозорный ход репрессивной истории: власти поняли, что не доглядели, произошел сбой. На некоторое время наступил тайм-аут, в течение которого Карпюк продолжал с обновленной энергией опровергать следующие пункты уничижительных обвинений.

Следующим был, впрочем, не менее важный пункт о сотрудничестве с гестапо начальника штаба отряда, которым командовал Карпюк. Тут уж я был почти в курсе. Во время наших совместных встреч с комбригом Войцеховским последний несколько раз заводил разговор об истории, которая в общем началась и развивалась под присмотром бригадного командования, в том числе с участием комиссара и особиста бригады. Не погрешив перед истиной, можно кратко заметить, что не агент гестапо был внедрен в ряды партизан, а, наоборот, – партизанский агент внедрен на службу в гестапо. По-видимому, в первые послевоенные годы этот факт не составлял секрета как для КГБ, так и для партийных органов. Но вот прошло время, старые кадры поуходили, кто из жизни вообще, а кто на покой, оставив подписку молчать до гроба. Пришли новые молодые и энергичные, которые в свою очередь принялись за старое дело – разоблачать и искоренять. Примерно в эти годы в Гродно осудили на 15 лет заключения жителя Слонима, который в годы оккупации работал в СД. Об этом все в городе знали, его 20 лет не трогали, потому что рядом или в Минске жили начальники, которые его и заслали в это СД. Но как только прежних начальников не стало, пришли новые, человека "разоблачили" и взяли. Заодно взяли и его приятеля, старейшего белорусского поэта А. Иверса, от которого потребовали свидетельств против арестованного. К чести поэта, он таких сведений не дал, за что был исключен из Союза писателей, изгнан с работы из редакции районной газеты и 15 лет проработал на смолокурне. А у самого, между прочим, вся семья – жена и дети – погибла от рук оккупантов, заплатив за его подпольную антифашистскую деятельность.

Нечто сходное можно сказать и относительно будто бы внедрения Карпюком агента абвера в советскую диверсионную группу, к чему Алексей не имел прямого отношения. Ни к внедрению, ни к группе.

Летом 44-го года, когда еще шла война, недавний партизанский командир Карпюк был вызван в Минск для составления отчета о боевой деятельности своего отряда. Однажды, проходя вместе с товарищем (также недавним партизанским командиром) мимо лагеря немецких военнопленных на Комаровке, он случайно бросил взгляд за проволоку на одного из многих сотен его обитателей, и лицо того показалось ему знакомым. Действительно, это был солагерник по Штутгофу, немец, бывший социал-демократ, который в лагере неплохо относился к советским – угощал табачком. Теперь в форме солдата вермахта он понуро сидел за колючей проволокой советского лагеря. Карпюк коротко рассказал о пленном своему спутнику, и тот заметил, что надо бы об этом сообщить начальству. Сделать сие было несложно,

Цена достоинства. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru начальство располагалось рядом. Оно и в самом деле отреагировало охотно и оперативно немец был отделен от остальных, впоследствии прошел в Подмоскowie курс спецподготовки и осенью того же года в составе диверсионной группы заброшен в Чехословакию. Далее судьба диверсантов сложилась трагически, все они погибли, и подозревали, что их провалил именно этот немец. Теперь, спустя четверть века, вину за его "внедрение" возложили на Карпюка. Поистине доброта наказуема.

В этом последнем случае Карпюк не знал, как защищаться, - нигде ни свидетелей, ни документов. Тут уж ни Омелянович, ни Польша не могли помочь. Он стал мрачным, издерганным, даже подозрительным по отношению к немногим друзьям, перестал ездить в Минск и много писал в различные инстанции, ответа из которых вряд ли получал. Единственный человек, к мнению которого он продолжал прислушиваться, был Борис Клейн.

Как-то я сидел дома, что-то писал, когда в окно постучал Карпюк (квартира была на первом этаже). Я вышел на улицу, и Карпюк спросил: "Борис не звонил?" - "Нет, не звонил. А в чем дело?" - "А в том, что его с утра вызвали в горком и до сих пор нет. Пойдем в парк, там подождем".

Это была скверная новость. Мы молча прошли в парке к старинной, полуразрушенной церкви Коложи, сели под кустом на обочине. Клейн знал это место и должен был прийти. Мы молча ждали.

Он и в самом деле пришел, может, часа через два. Уже вечерело, Борис устало опустил рядом. "Ну, все пропало. Исключили и меня... Сняли с работы, отнимут кандидатский диплом. Теперь я - ничто..."

Но что случилось? И что причиной тому?

Началось, оказывается, не сейчас - довольно давно, о чем Борис не догадывался и не подозревал даже. При всей его рассудительности и осторожности угодил в неожиданную западню, из которой вряд ли возможно было найти выход.

Кандидатскую диссертацию Клейн защищал в Вильнюсском университете, научным руководителем у него был уважаемый литовский профессор Ш. В то время как раз развернулась борьба с литовским национализмом, и Клейн услышал, что его руководителя уволили с работы и, кажется, собираются исключить из партии. Клейн, возвращаясь из Ленинграда в Гродно, навестил профессора. Оставалось немного времени между поездами, и бывший аспирант хотел утешить своего руководителя, высказать сочувствие. Они неплохо поговорили в тот вечер и, обнявшись, расстались. По дороге в Гродно Клейн все переживал за профессора, думал, как ему помочь. Пожалуй, и профессор, оставшись в своей вильнюсской квартире, не имел злого намерения против гостя, но испугался, что его бывший аспирант подослан белорусским КГБ, записал их разговор и донесет в литовскую безопасность. Неизвестно сколько времени пробыв в тягостных размышлениях, профессор решил опередить белорусского "агента" и сам написал об их крамольной беседе. Литовский КГБ переслал важную информацию в Минск. Минская безопасность отдала соответствующее распоряжение Гродненской. Операция слежки началась.

Следили основательно, не торопясь. Пока доцент Клейн читал студентам историю КПСС, шла систематическая перлюстрация его переписки, запись разговоров с друзьями, родственниками, даже с женой на кухне. Так что относительно разговоров, признался Борис, полная адекватность, никаких натяжек. Особенно в отношении "группы Быкова - Карпюка", а также братской помощи Чехословакии, которую коммунист Клейн где-то назвал оккупацией. Ошеломленный Клейн не знал, как и оправдываться. Его, как и Карпюка, исключили единогласно с многозначительной формулировкой - "за перерождение". Почти автоматически он потерял место доцента и вскоре вынужден будет сдать кандидатский диплом.

"И ты поднимешь руки? Капитулируешь перед этими душегубами? Ты же мне что советовал - дергаться насколько возможно. Так дергайся, пиши! Не спи в шапку!" - сердито отчитывал его Карпюк. Сам он уже немало надергался, правда, пока без ощутимого результата. Теперь будут дергаться вдвоем. Хотя вдвоем им вряд ли позволят, потому что вдвоем - это уже групповщина, за которую полагалась еще более строгая статья.

В тот же день вечером мне кто-то позвонил и тихонько посоветовал держаться подальше от моих двух друзей. Потому как они могут утопить и меня. В это я слабо

Цена достоинства. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru поверил, но прежнее желание встречаться-общаться померкло. Я оставался один. И порадовался тогда, что в свое время избежал членства в партии, теперь меня исключать неоткуда.

Клейн дергался, писал, хлопотал, подавал апелляции. Прошел все круги Дантова ада. Не знаю, признался ли в чем Борис, но никакое признание не облегчило бы его незавидную судьбу. Синхронно с парторганами и КГБ работали все кафедры, ученые советы, ректораты и ВАКи, которые оперативно лишили его преподавания, диплома кандидата исторических наук. Я чувствовал себя очень неопределенно, рассказывал о гродненских драмах, где только было возможно, - друзьям, знакомым, начальству. Любопытно, как многие относились к моим драматическим повествованиям. Обычно внимательно выслушав, делали недолгую паузу и глубокомысленно изрекали: "кто его знает? Все-таки там что-то есть. Иначе бы не исключили". Редко кто выражал гнев или хотя бы сочувствие. Как-то обратился к секретарю ЦК по идеологии А. Кузьмину. Тот с привычной озабоченностью выслушал, согласился, что Клейн умный ученый, наверно, хороший человек, и - все. Я понял, что есть силы, властью над которыми секретарь ЦК не обладает. Скорее, они обладают властью над ним. Спустя недолгое время историк Клейн оказался на городской овощной базе, где несколько месяцев таскал ящики с картошкой, свеклой и морковкой. Но суда над ним не было. Это было понято как хороший знак, почти наступление поры либерализма. И в самом деле, какие-то сдвиги произошли и в деле Карпюка, которого неожиданно вызвали на бюро ЦК КПБ.

Значительно позже, когда несколько улеглись разоблачительные страсти, а в начальственных кабинетах сменились хозяева, прошел слух, что Карпюка спас Машеров. На заседании бюро ЦК, где рассматривалась его апелляция, двое из членов бюро проголосовали за исключение, а двое (Кузьмин и Аксенов) - за строгий выговор. Машеров вроде бы воздержался, что дало основание дело Карпюка отложить в долгий ящик. В конце концов ограничились строгачом, это сохранило Карпюку свободу, а по прошествии года и вовсе сделало безгрешным. Карпюк постепенно пришел в себя, много работал, написал несколько романов, в том числе один - на религиозную тему.

С началом перестройки многое в стране стало меняться, появилась тенденция переоценки недавнего прошлого. Карпюк, разумеется, не упустил возможности обратиться к подавляемой прежде правде и напечатал несколько мемуарных очерков о послевоенных событиях на Гродненщине. Не учел, однако, насколько живуч мстительный реваншизм провинции, как глубоко засела в партийных рядах чекистская потребность разоблачать и карать. В ответ на карпюковскую правду о постыдных методах послевоенной коллективизации те, кто ее осуществлял, выступили с новыми обвинениями в "старых преступлениях" автора очерков. Местные власти под давлением ветеранов "колхозного движения" создали комиссию по проверке личности Карпюка - опять с разоблачительным уклоном. Минский официоз поддержал гродненскую инициативу сыска, снова зазвучали старые обвинения в искажении "правды войны и коммунистического строительства", опять принялись перетряхивать биографию автора, с патологическим сладострастием раскапывая там "темные пятна". В этот раз Карпюк, похоже, готов был утратить присущую ему, выработанную за годы выдержку и обратился в суд с иском о защите чести и достоинства. И выиграл. Суд постановил взыскать с клеветников в пользу истца денежную сумму в размере... одного рубля.

Кажется, это была последняя (если не единственная) за много лет победа писателя и гражданина, партизана и правдолюбца Алексея Никифоровича Карпюка. Спустя недолгое время он скончался, прожив чуть больше семидесяти. Хотя наверняка рассчитывал прожить больше - занимался спортом, не пил, не курил. Но у судьбы свои, неведомые нам расчеты.

Борис Клейн после исключения перебивался на различных работах и продолжал "дергаться". В конце концов ему удалось вырвать у карательных органов свой кандидатский диплом, и он уехал в штаты.

Сейчас он профессор Мэрилендского университета, имеет свой дом, автомобиль. В недавнем письме признался, что вспоминает гродненские годы как дурной, призрачный сон.

Я мог бы вспоминать так же, но не хочу. Жаль прожитых лет, несчастных, забытых идейным дурманом людей, тяжкого, но единственно отпущенного нам времени...

[1] Элиза Ожешко (1841-1910) - известная польская писательница.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

Цена достоинства. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!